

Она вошла в комнату и увидела Клодана, который сидел за письменным столом, расслабившись и вдыхая маленькие клубы дыма от своей сигары. Он продолжал смотреть на свою руку, не обращая внимания на то, что она снова ворвалась в комнату. Это его безразличное поведение ... ранило ее еще больше.

— Я... мне совсем не жаль! — Сказала она громко и отчетливо. — Я не виновата, что не умею читать.

Клодан молчал, но наконец взглянул на нее. Воодушевившись, она продолжила.

— Я тоже хочу читать книги и писать письма! Ты даже не представляешь, в каком я отчаянии... ты знаешь, как мне было неловко в тот день?! Но сегодня я просто хотела, чтобы мы ...

Еще один всхлип сорвался с ее губ, когда слезы неудержимо потекли по лицу. Вид ее плачущего лица был весьма жалок. Клодан взглянул на нее и отложил сигару. Он подошел к ней медленными, твердыми шагами.

— Сегодня ты хотела, чтобы мы сделали что?

— Просто ... Мы ... ..

— Почему ты не приходила все это время?

Клодана не волновала ее безграмотность. Это было последнее, о чем он думал. Но Рей

колебалась, покорно сжимая его рубашку.

— Я... мне было так неловко. Я не умею читать, и все же я одолжила у тебя книгу. Я чувствовала себя лживой душой...

— Меня это не волнует.

— Д-даже несмотря на то, что я солгала тебе?

— Рей, в тот день мы с тобой были близки.

Клодан нежно взял ее за подбородок, поглаживая большим пальцем губы.

— Если ты не приходишь на следующий день, как я могу это истолковать?

Он наклонился ближе, его теплое дыхание обдувало ее лицо. Еще чуть-чуть, и они бы целовались, но Рей была так удивлена его словами, что даже не заметила, какое малое расстояние их разделяло.

— Тебе это не понравилось?

— Т-ты ждал меня все это время?

— Скажи, тебе понравилось или нет?

Рей тихо покачала головой. Ее слезы наконец-то закончились. Облегчение нахлынуло на нее, когда она поняла, что он все еще заботится о ней.

— Т-ты не ненавидишь меня? Ты же не считаешь меня тупоголовой идиоткой?

Клодан сократил расстояние между ними и в мгновение ока прижался губами к ее губам. Он раздвинул ее губы своим языком и страстно опустошил ее. Рей почувствовала слабость в коленях. Он целовал ее так глубоко, словно хотел проглотить; если бы он не поддерживал ее рукой за талию, она была уверена, что уже рухнула бы на пол. Их мягкие губы продолжали соприкасаться друг с другом, и внутри них нарастало тепло.

Но в конце концов им пришлось оторваться, чтобы перевести дух. Рей почувствовала, что потеряла часть себя, когда его губы расстались с ее губами. Клодан, казалось, чувствовал то же самое, потому что ласкал и посасывал каждый дюйм ее лица.

— Л-лорд, подождите...

— Нет.

Рей попыталась успокоить его, но его желание было слишком сильным. Его позиция была

твердой. Он не оставит ее в покое.

— Господин, п-пожалуйста...

— Я сказал — нет.

— К-Клодан...

Рей сумела произнести его имя. Его глаза расширились. Он был настолько потрясен, что на какое-то время оставил ее лицо в покое. Она посмотрела на его реакцию и застенчиво улыбнулась.

— Клодан.

На этот раз она произнесла это с приливом вновь обретенной уверенности, лишив его дара речи.

— Т-ты не считаешь мне, Клодан?

— Я бы предпочел другое занятие.

— Н-но я с нетерпением ждала возможности почитать вместе с тобой.

Клодан не смог удержаться от улыбки.

— Ты... действительно...

Он сдался. Он испустил вздох, звук, который казался музыкой для ушей Рей. Ее губы, теперь ярко-красные от его поцелуев, расплылись в широкой улыбке, заставив его нахмурить брови.

— Почему ты такая милая?

Милая? Никто никогда не называл его так. Даже ее родители, которые воспитывали ее с заботой, никогда не говорили ей таких слов. Ее брат был безнадежен, он только издевался и высмеивал ее. Сильное чувство поднялось в ней. Она не могла не любить Его, Того, кто замечал в ней то, чего не замечал никто другой.

Клодан и Рей провели вместе целый день. Он поймал себя на том, что совершенно очарован ее волосами, и продолжал гладить их, почти как кошка, ласкающая клубок пряжи. Рей забыла обо всех своих запретах и полностью отпустила себя. Вскоре она обнаружила, что кладет ноги на бедра Клодана, когда они вместе читали волшебные книги.

Хотя она была разорена и ей некуда было идти, Рей теперь жила как избалованный ребенок, которому дали все на свете. То, как Клодан обращался с ней, вводило ее в заблуждение, заставляя думать, что она вольна делать все, что захочет. Он не ругал ее, если она бродила по поместью, и даже предлагал ей десерты каждый час или около того.

Мэри первой заметила эту перемену в их отношениях. Поскольку именно она готовила еду, она была в состоянии увидеть другую атмосферу между ними раньше, чем кто-либо другой. Филипп был ближе всех к Клодану, поэтому он узнал об этом позже. И вскоре даже садовник и Джек, конюх, услышали эту новость.

Конечно, к тому времени, когда Хейш прибыл в поместье, эта новость уже устарела. Он только что вернулся из долгого путешествия. После того, как он поссорился с Рей в прошлый раз, он подумал, что лучше всего утешить ее некоторыми подарками. Но экипажей, готовых отвезти его обратно в поместье, не было. Один за другим они продолжали отказывать ему. Он терпел, думая, что дома его ждет горячая еда, но единственный, кто встретил его, был этот чопорный старик.

— Время ужина уже прошло. Если вы хотите поесть, вам придется приготовить его самостоятельно.

— Ха, это ты со мной говоришь таким тоном?

— Здесь есть кто-нибудь еще?

— Как ты можешь быть таким грубым?! Разве так ты должен относиться к своим гостям? Я целый час шел по холоду, чтобы добраться сюда из этой деревни. Немедленно приготовь мне ужин!

Филипп не обратил на него внимания и оставил кричащую фигуру позади. Для него Хейш даже не был гостем. Он был хуже, чем настойчивый торговец, который постоянно раздражал их.

— Эй! Стой! Принеси мне мой обед!

Хейш уже сгорал от ярости внутри. Его лучший друг, который просил его довериться ему, теперь продолжал уклоняться от своих обязанностей, и все товары, которые он доставлял, были не очень хорошего качества. Деньги, которые одолжил ему лорд Клодан, подходили к концу, а болезнь матери не давала никаких признаков выздоровления. Ему казалось, что чем больше он борется за выживание, тем глубже тонет.

И теперь даже этот старый слуга обращается с ним как с нищим?! Взбешенный несправедливым обращением, Хейш схватил пустую тарелку и швырнул ее ему в голову.

— Ты всего лишь слуга, так что води себя подобающе!

Тарелка разлетелась вдребезги, ударившись о Филиппа, и он застыл на месте. Он стоял, как крепкое старое дерево с глубоко вросшими в землю корнями, не тронутый ударом. Филипп тупо уставился на разбросанные осколки.

— Ну и что? Неужели эта тарелка была такой драгоценной?

— Эй.

Филипп поднялся из своей согнутой, обвисшей позы во весь рост. Он склонил голову набок, и все его тело затряслось. Как будто он был змеей, пытающейся сбросить свою кожу.

— Ч-что?

Когда его голова неестественно заскрипела в сторону Хейша, он заметил, что зрачки Филиппа превратились в щелочки, совсем как глаза рептилии. По его шее поползли зеленые чешуйки. И когда его язык на долю секунды выскользнул наружу, Хейш сразу же заметил его раздвоенный конец. Страх холодными волнами захлестнул Хейша, лишив его возможности двигаться.

— Веди себя прилично. Я и так сдерживаюсь, потому что ты такой жалкий.

<http://tl.rulate.ru/book/41322/1086707>